

МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Михаил, Меч Господа. Книга третья. Рейд во спасение / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-04-088902-0

В преисподнюю спускался Гильгамеш за другом Энкиду, Орфей за Эвридикой, Дионис за матерью, Геракл за Тезеем, Перифо-ем и Алкестой, Одиссей, чтобы узнать о будущем, Эней для свидания с отцом Анхизом, Ютланд за ценными сведениями, сэр Ричард добивал врага в его логове... Но никто не отправлялся в ад, чтобы спасти... самих демонов! Это намерены сделать Михаил и Азазель. Как бы те ни сопротивлялись...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088902-0

© Орловский Г. Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Он подошел к зеркалу и придирчиво оглядел себя с ног до головы, а потом, приблизив лицо, всмотрелся в глаза. Все тот же с виду, только сам чувствует, как что-то плавится внутри, накатывает то жар, то холод, где-то коротко дернет острой болью, но тут же, словно испугавшись, затихает.

Отключив видеонаблюдение, он попробовал переместиться из одной комнаты в другую через закрытую дверь. Долго не получалось, хотя чувствовал, что вот-вот, а потом вдруг после мгновенного помутнения оказался там распластанным на полу и жадно хватаящим воздух, слабый и обессиленный, словно наконец-то вскатил камень Сизифа на гору. Череп трещит, а тело стонет, словно его пропустили через работающую камнедробилку.

Азазель вышел из ванной комнаты, свежий и веселый, посмотрел с живейшим интересом.

— Получилось или приполз вот так артистично?

Михаил сказал стонуще:

— Чтоб я еще хоть раз... Только своими ногами!

— Нельзя свои силы тратить, — сообщил Азазель. — Нужно брать в долг, в кредит или в лизинг, а потом не отдавать, как теперь при-

нято. А если серьезно, то вон клипоты, антисфироты. Оттуда и бери, теперь можешь!.. А если можешь, как не хватать на халяву?

Михаил со стоном приподнялся на дрожащих руках, из последних сил сумел вздуть себя на стул. Сердце колотится, будто пытается выскочить и удрать от такого жестокого хозяина, а дыхание идет с хрипами и стонами, стараясь не касаться стенок раскаленной глотки.

Он сам чувствовал, как глаза упорно пытаются не смотреть в сторону просторного балкона за широкой стеклянной дверью, что не балкон, а почти веранда. Исполинский черный столб первичного мрака упирается в землю, захватив целый район Москвы, жители которой ничего не замечают, уходит в глубины и устремляется дальше и дальше, пронизывая мир.

— Ну? — сказал Азазель настойчиво.

Михаил ответил измученным голосом:

— Да как-то...

— Противно? — спросил Азазель. — Или страшно?.. Это просто мощь, Мишка. Белая или черная, как говорят люди, какая разница? Особенно в эпоху демократии. Главное, чтобы работала. Бери, пока дают! Многие бы рады хапнуть за любую цену. Тебе дурно дают, а ты еще и рыло воротишь? Аристократ, да? Извозчика подавай?.. Под мышкой понравилось?

Михаил покрутил носом.

— Больше ни за что. Унизительно.

Азазель посерьезнел, сказал отдельно и строго:

— Михаил... мало таких, кто имеет доступ к мощи клипот. Их можно пересчитать по пальцам одной руки ветерана афганской. Тебе такое выпало. Не ветеранство, а редкая возможность. Не люблю вещать о предначертанности, но если не воспользуешься, с тебя спрысят.

— Кто спросит? — поинтересовался Михаил, но Азазель ловко избежал упоминания высших сил, ко-

торых, как всякий бунтарь, презирает, ответил так же строго: — Жизнь спросит! Она за все не сделанное и упущенное спрашивает с ремнем в мускулистой натруженной длани. А ты разводишь передними лапками и жалко блеешь, что вот если бы жизнь повернуть назад, а еще бы чуть вбок...

Михаил снова пугливо отвел взгляд от распахнутой двери на балкон.

— Меня воротит только от одной мысли... Вон что с Гамалиэлем твоя возможность сделала!

— Когда в руки попадает молоток, — согласился Азазель, — все кажется похожим на гвозди. Гамалиэль слишком тонкая и чуткая натура, а ты грубый мордоворот, прирожденный воин.

— Ну спасибо.

Азазель пояснил высокопарно:

— Тебя соблазнами так просто не своротишь с пути! Ты в своей благородной узости просто не видишь окольных дорог, ибо сам ты честен и прям, как сосна, а не какой-то дуб.

— Но-но!

— Вспомни, — сказал Азазель с пафосом, — это Ашмодей построил те мрачные подземные залы под Сигором, что потрясают воображение суровой мощью, но он же отгрохал для царя Соломона его светлый и радостный Храм, которому не было равных ни в величии, ни в роскоши!.. И обломку которого под названием Стена Плача и сейчас едут со всех концов света поклониться. Дело не в том, откуда черпаешь мощь, а на что направляешь!.. Извини за трюизм, но ты ребенок. Тебе надо на пальцах земноводного, у них там их поменьше.

— Полегче.

Азазель сказал очень серьезно:

— Прими это, как задание на земле, которое должен выполнить, а потом вернуться и доложить о выполне-

нии!.. Могу успокоить, твое задание не будет бесконечным. Ты выполнишь все быстро и вернешься.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

— Врешь, конечно?

— Вру, — согласился Азазель. — Но разве от моих слов не легче? Иногда подумываю в психотерапевты пойти.

— Сволочь ты, — прошипел Михаил люто. — Холодная и беспринципная гадина. Даже не скрываешь.

— Потому что я демократ, — ответил Азазель с достоинством. — Беспринципность в тренде, а принципиальность смешна и старомодна. Более того, на беспринципности основываются новейшие институты демократии. Это называется прозрачностью. Все вокруг видят, какие везде сволочи, потому не строят иллюзий и не обманываются. Здоровое либеральное общество.

Михаил прервал:

— Ты мне зубы не заговаривай.

— А ты сам не увиливай, — ответил Азазель и взглядом указал на распахнутую дверь балкона.

Михаил с усилием повернул голову. Огромный черный столб нечистой мощи непрерывным потоком изливается с клипот на землю, погашая божественный свет вблизи и черными волнами нечистот растекаясь по всему миру. И хотя умом понятна необходимость клипот, без них этот мир растворится в божественном свете без следа, но все равно трудно смотреть без отвращения и неприятия на черную отвратительную мощь, побуждающую самые темные желания.

Азазель вышел на балкон, там у края оперся руками о перила балкона. Для него, похоже, черные столбы мрака что-то вроде облачка в далекой синеве неба. Привычное и примелькавшееся, на что не обращаешь внимания.

— А ты, — произнес он оттуда, все еще стоя к Михаилу спиной, — конечно, никогда не задумывался, почему от Всевышнего в наш мир его особый чистый свет идет по десяти сфиротам, а отсюда уходит по одиннадцати?

Михаил пожал плечами.

— Ну, так им устроено. Не задают вопросов о желаниях Господа, ибо неведомы его пути. А что?

— Удобная позиция, — признал Азазель, — да вот только мы среди людей, а они настырные, до всего допытываются. А я как бы давно человек. Вот мне интересно, если приходит по десяти, то и уходить должен по десяти, верно?

Михаил буркнул:

— Наверное. Не знаю. А в чем проблема?

— Проблемы нет, — ответил Азазель, — но мы сейчас как бы люди, верно? Я имею в виду, и ты сейчас тоже. А люди везде ищут проблемы, даже если это их и не касается, а затем находят и решения.

— Тоже которые их не касаются, — сказал Михаил язвительно.

Азазель посмотрел на него с интересом.

— А знаешь, как это называется? Фундаментальные науки. Чем отличаются от прикладных, сказать?.. Ладно, давай обедать, в этом ты разбираешься лучше. Я уже час тут с тобой общаюсь, а ты еще ни разу не сказал: дорогой друг, давай попируем в честь победного завершения. Предприятие все-таки было нелегким.

Михаил с трудом поднял измученное тело, но по дороге на кухню оглянулся на балконную дверь.

— Ну? — спросил он с недоверием. — И почему уходит по одиннадцати? Если уж я человек?

Азазель произнес таинственно и с гордостью:

— Полагаю, божественный свет генерируется самими людьми. Душа человека, как повелось со времен

Адама, — истинная частица Всевышнего. А на сегодня вместо одного Адама уже восемь миллиардов этих любопытных морд с топотом и гиком носится по планете! Понял? А во-вторых... это главное, огонь их душ горит все ярче! И, возможно, придется ставить и двенадцатую антисфироту, чтобы сохранить в мире равновесие энергий... Ладно, закрой рот, а то Аграт влетит. Пойдем за стол, там откроешь. У тебя не рот, а пасть. Настоящая пещера, хоть и не Аладдина, не Аладдина, а так, всего лишь Крубера или Мирольда... Сири!

— Все готово, — ответил голосок из середины комнаты, — как вы и велели, сагиб, красное мясо... хотя это вредно, Минздрав предупреждает!

— Что в рот полезло, — буркнул Азазель, — то и полезно.

— То ли полезло?

— Полезно! — сказал Азазель, повысив голос. — У меня что, дикция нарушилась?

— Это я вам подгавкиваю, сагиб! Как вы любите.

Азазель буркнул что-то непонятное, распахнул дверцу кухонной печки. Оттуда вырвались аппетитные запахи жареного мяса и лука. Михаил увидел аккуратные ряды металлических шампуров с нанизанными ломтиками, Азазель вытащил четыре прутика и положил поровну на тарелки себе и Михаилу.

— Чуть перекусим, — сказал он деловым голосом, — и снова за работу. Тебе срочно нужно научиться управляться с тем, что в тебе теперь есть... Синильду позвешь?

Михаил даже отшатнулся на спинку стула от такого неожиданного перехода.

— Синильду? — переспросил он. Уже медленнее стащил зубами куски мяса с металлического прута, прожевал и повторил: — Синильду?... Она тебе понравилась?

Азазель взглянул с изумлением и негодованием.

— Мне? Это же тебе понравилась!

— Еще как, — согласился Михаил. — Где ты ее, говоришь, отыскал? В бюро эскорта?.. Красивые там, видеть, женщины.

Азазель стащил все куски мяса с прута, а его со звоном зашвырнул в распахнутый зев моечной машины.

— Красивые, — подтвердил он с некоторой настороженностью. — Все рослые, статные, настоящие королевы! С такими любой миллиардер может показаться с гордостью хоть на вернисаже, хоть где.

— И даже стрелять умеет, — сказал Михаил с растановкой. — В актрисы, говоришь, мечтает?

— Да они все мечтают, — ответил Азазель. — А что, тебя что-то тревожит?

— Да просто удивительная женщина, — проговорил Михаил медленно. — И чуткая... Помнишь, ты сказал, мужчины уединятся в курительной комнате, а Синильде предложил посмотреть свою коллекцию фильмов...

— Помню, — подтвердил Азазель заинтересованно, — и что?

— Потом, — сказал Михаил, — когда мы наговорились, ты сказал, что пора ее позвать, и она тут же вышла из дальней комнаты и сказала, что успела скачать себе какие-то фильмы.

Азазель сказал довольно:

— У женщин эта... как ее... интуиция. Чувствуют, когда они нужны. Или когда можно подойти, а мы не вдарим.

— Заткнись, — ответил Михаил.

— А что не так?

— Она оттуда слышала нас?

Азазель взглянул с недоумением.

— Ты чего? Каким образом? У меня стены, двери... видел, какие слонопотамные?

— Ладно, — сказал Михаил, — тогда еще один момент, какой-то совсем непонятный...

— Говори!

— Аграт, — напомнил Михаил, — она приходила, когда здесь была Синильда...

— Было такое, дальше!

— И наоборот, — продолжил Михаил, — Синильда тоже приезжала, когда здесь была Аграт...

— Ну-ну? — сказал Азазель заинтересованно.

— Но ни разу не встретились, — сказал Михаил. — Что-то да мешало. А если и не мешало, то пока одна слишком долго мылась в ванной, вторая тут щебетала... но успевала уйти до того, как первая оттуда выходила...

— Так это же здорово, — сказал Азазель, он вытер масляные губы бумажной салфеткой, пояснил довольно: — с одной ты уже, со второй сохраняешь жаркую и насыщенную возможность... Но можно их и не знакомить. Хотя при современной демократии все можно, что ниже пояса. Запреты теперь начинаются выше.

Михаил покачал головой.

— Азазель, я уже ухватываю, когда хитришь... Еще не знаю, в чем, но как-то вот... Во-первых, они так и не встретились, хотя та и другая бывали у тебя в квартире, во-вторых, ты почему-то был уверен, что они и не встретятся, это я уловил.

— Это твоя параноя, — сообщил Азазель. — Йога тебе не поможет, но хороший психиатр мог бы... а так как я самый лучший, то рекомендую лоботомию.

— Что это?

— Я сам и проведу, — пообещал Азазель. — Тебе понравится. Потом.

— Больно морда у тебя хитрая, — сказал Михаил обвиняюще.

Азазель отбросил скомканную салфетку, широко и предельно искренне улыбнулся, растопырив руки.

— Михаил, хоть стреляй мне прямо вот в бестрепетную грудь, но я сама честность, правдивость и законопослушание. Даже не представляю, в чем меня обвиняешь, хотя за свою ультракороткую жизнь наслушался всяких несправедливостей типа «Распни его!».

— Ладно-ладно, — сказал Михаил. — Не хочешь говорить — не говори, я все равно узнаю. Но учти, могу узнать не в той интерпретации, как бы ты хотел подать.

Он успел увидеть, как на лице Азазеля промелькнуло нечто вроде колебания, но тот заулыбался еще шире и сказал патетически:

— Конечно, такое лучше узнавать на стороне! Мне самому себя хвалить и восхвалять как-то неловко, я такой застенчивый, такой застенчивый, а вот когда со всех сторон хвалят и восторгаются, скромно молчу и шаркаю ножкой, как конь копытом.

— Как козел ратицами, — буркнул Михаил. — Ладно, видео отключено?

Азазель сказал поощрительно:

— Ты же сам отключил!.. Хочешь еще поупражняться? Но сперва зачерпни из антисфирот как можно больше. Для надежности. Это как спать с заряженным пистолетом под подушкой. Время такое, беспокойное. Хотя другого и не было.

— Надо, — ответил Михаил. — Сейчас очищу еще пару шампуров и начну. Иначе, ты прав, хоть и свинья, пренебрегу тем, что мне дано. А это недопустимо, тут ты тоже прав, хотя у тебя свои интересы.

— Молодец, — сказал Азазель. — Понимаешь, что даже если это нарушение, то и оно с позволения Творца! Он снисходителен и понимает, что когда во благо, то можно и то, чего нельзя. Давай, упражняйся. Пифагор сказал, что стыдно стареть, не узнав пределов, на которые способны твои дух и тело!.. А тем, кто не стареет,

вообще в таких случаях лучше убицца о стену... Побывать с тобой? На всякий случай?

— Буду осторожен, — пообещал Михаил. — Иди по бабам, или куда ты там ходишь, ты же безработный.

— Не безработный, — сообщил с достоинством Азазель, — а предприниматель. У меня есть дело! Бизнес. И получаю не зарплату или, тьфу, слово какое поганое, жалованье, а доход. О депозитах в банках вообще молчу, на проценты жить можно, даже хорошо жить!

Михаил отмахнулся.

— Ладно-ладно, иди. Не люблю, когда наблюдают.

— А моей Сири не стесняешься?

— А вот нет.

— Тогда до вечера, — сказал Азазель. — Видишь, какой я порядочный, всегда ночую дома!

— А в промежутках какие непотребства творишь?

Но Азазель уже исчез, тихо и бесшумно, без всяких порталов, которые, как все больше убеждался Михаил, нужны для особых недоступных мест, то ли в миры Бракиеля и Гамалиэля, то ли в ад, откуда в щель пролезла в этот мир Аграт.

Даже крохотный Шокутар появлялся через огненный портал, нечаянно или нарочито оставляя дыру в ковре Азазеля.

Он вздохнул, подошел к окну, в него тоже отчетливее видно черный столб антисфироты, больше похожий на ужасающую стену, хотя на самом деле это тончайшая нить, помогающая удерживать созданным Творцом мир в материальном воплощении.

Вообще-то можно видеть этот черный столб и сквозь все перекрытия здания, но для этого нужно сосредотачиваться, а сейчас лучше концентрироваться на другом.

На всякий случай сел в кресло, расслабил мышцы и закрыл глаза. Ни Макрон, ни Кезим в нем вроде бы не против, чтобы он усилился, все чувства притихли, вы-

жидают, а он начал представлять, как чайная ложечка, которую оставил на краю стола, медленно переползает на несколько сантиметров в сторону.

Жар сперва хлынул в голову, растекаясь по всему телу, а когда начали зудеть кончики пальцев на ногах, он распахнул глаза.

Ложечки на прежнем месте не оказалось. Не нашлось и на другом конце стола, как и вообще на столе.

Он вскочил, пометался по комнате, на всякий случай выглянул в другую, но и там не видно.

Мелькнула мысль, что она вообще при его неуклюжести может оказаться по ту сторону стены в квартире соседа, где либо останется незамеченной, либо вызовет вопросы.

Попробовал еще раз, положив на то же место вторую ложечку, на этот раз глаза не закрывал. С минуту ничего не происходило, а жар в теле то усиливался, то опадал, наконец ложечка изогнулась, по всей ее длине пошел серебряный пар, и она за две-три секунды испарилась, как льдинка на горячей сковороде.

Михаил с облегчением вздохнул. Потерю двух ложек Азазель переживет. Хуже, если бы обнаружили в чужой квартире или торчащей там из стены.

Зато какое приятное ощущение безнаказанности, сейчас все эти действия, нарушающие установленные для этого вещественного мира законы, названные законами природы, наконец-то не вызывают всплеска!

Глава 2

Азазель возник на кухне в двух шагах так внезапно, что Михаил отшатнулся, спросил сварливо:

— А не опасаясь, что впрыгнешь в то же пространство, где уже я? И что тогда?

Азазель отмахнулся.

